

Лиана

Борис Богданов

Вышли с закатом, когда дневная пыль осела и в небесах загорелся Наконечник Стрелы — самая яркая звезда, вокруг которой крутится мир.

Здесь, близ поселка, еще вились дорожки, по которым пустыnnики каждый вечер ходили за горячим волосом и широкими листьями слон-дерева. Лес ушел отсюда давно, и горячие ветра загладили ямы и борозды...

Свет, как искатель и мужчина, шел впереди. На перекинутах через плечо ремне из кожи личинки прыгунца висели полные воды пузыри перекати-поля. Била по бедру котомка с лесными снадобьями. Дядька Людмил не пожалел, отдал в поход большую часть. В дороге и лесу они нужнее. Юра ковыляла следом, тащила провиант. И ругалась сквозь зубы.

— Кто дурак?! — не выдержал Свет.

— Настасий, кто еще! — прошипела Юра. — Захотелось ему в огородники!

Вот глупая! Что значит — захотелось? Старшие выбирают, кому кем быть. Этому — в искатели, тому — в пустыnnики, а кому — в манящие.

— Чего сама в огородницы не пошла? — пробормотал Свет и тут же пожалел.

— Дурак!

Понятно. Теперь про него. Расстроена девчонка. Как Настасий на нее смотрит! Лестно ей. Сама тоже поглядывает, в ответ. Только идти с ним, Светом, приходится. Огородники за лианой не ходят. Обидно. И Свету обидно. Хорошая девчонка, хоть и курносая. И чего задирается?

— Юрка, кончай ругаться! Приведем лиану, и катись к своему Настасию!

— У-у-у, дурак!

Снова не так. Что, почему? Ох, женщины! — вспомнил он приговоруку наставника и дальше пошел молча.

Начались ямы и ямины. Лес сидел в этом месте долго, понаделал дыр.

— Под ноги смотри! — скомандовал Свет.

Не успел, конечно.

Юра пискнула и скатилась в здоровенный ухабище. Слон-дерево сидело. Долго сидело, вон какие рвы прокопало.

— Сказал, под ноги смотри! — Он подал девушке руку.

— Дурак! — буркнула та. — Темно же.

— По моим следам иди.

Теперь не пустыня вокруг была — сплошное рыхление. Канавы чередовались с ухабами, воронки с провалами. Старый лес, хороший. Семь дней через поселок проходил. Горячего волоса в обрез хватило, дымы вокруг землянок пускать. Силища! Теперь догнать только. Дальше Юркина забота. Людмил так и сказал: «В походе и в лесу — ты главный. Лиану найдете — дальше ее работа, а ты помогай». Он поможет, пусть сама не мешает. Курносая.

ФАНТАСТИКА

Отсчитав десять тысяч шагов, Свет взял левее. На два пальца. Теперь шли шесть пальцев вправо от Наконечника.

— Куда это мы?

Надо же, следит! Что мне, говорит, ваша пустыня. Песок и пыль, ничего больше. Но заметила ведь?

— Да. Старый сказал дойти до Зуба. От него повернем.

— Крюк же!

— Старый сказал, значит, идем. Найдем Хижину первых — хорошо, нет — тоже ладно. Нету ее, скажем, на восемь пальцев вправо от Наконечника.

— Дурак. И Старый твой тоже дурак. Лиана нужна, дома воды всего на неделю, а мы должны Хижину искать! Нет, наверное, никакой Хижины. Мало ли чего Старый скажет. Он из ума выжил уже. Точно.

Юра шла и бурчала. Бубнила и бормотала.

Она боится, понял вдруг Свет. Вот и ругается, страх гонит.

— Не ругайся, говорю! Доведу до леса. Завтра к вечеру, край к утру. Не подведи только.

— Не подведи, не подведи! — передразнила Юра и замолчала. До самого Зуба...

Зубом называли скалу с плоской вершиной. Отсюда начинались все пути искателей. Шли каждый раз поновому. Наставник рассказывал: когда он с Сергеем, будущей женой, за лианой ходил, брал на семь пальцев вправо. Двадцать лет прошло, Свет не родился еще. По уму, и сейчас бы Людмилу идти, но свалился с песчаной лихорадкой. Сергея отяжелела, третьего ждет. Куда им в пустыню?

Странное дело. Что лиане эти годы? Они долго живут. В лесу лет до ста. В поселке меньше, но еще десять протянула бы. Старый объяснил: личинка прыгунца испортила. Лес близко кочевал, вот и перескочила. Так-то прыгунец обитает на слон-дереве, у него корнехвост руками не обхватить, что ему одна личинка!..

На четвертом часу Свет объявил привал.

Юра достала сушеные гем-опята, Свет нацедил воды из перекати-поля.

— Слушай, Юрка, — спросил он, — оно совсем на слона не похоже. Почему так назвали?

Семь крупных звезд созвездия Слона мерцали над кромкой дюн. Семь огней, названных именами древних героев. Слева Таисий, Ивана, синяя Рудольфа и колючий красный Марф. Правее внизу Федора, выше — Николая и совсем низко справа Людмил.

— Людмил, наверное, тоже искатель был. За лесом ходил, подальше. И звезда в сторонке.

— Нет. — Юра помотала головой. — Манящей рядом нет. Таисий или Марф. А почему не похоже?

— Два корня получается, — показал Свет. — Таисий и Людмил.

— Кто их знает, первых. — Юра зевнула. — Назвали и назвали. Долго нам еще идти?

— До утра. Станет жарко — на днёвку встанем. Устала?

— Сам ты устал!

— И я устал, — решил не спорить Свет. — Пошли?

Скажет тоже, устал! Разве это работа, по холодку прогуляться? В пустыне ночью тихо, безопасно. Твари без леса не живут, беречься некого. Только случайно встретить можно, если под ноги не глядеть. А он на что? Не работа, отдых! Не то что воду в акведук поднимать. За день умаешься — руки отваливаются...

Беда случилась, когда небо уже порозовело и солнце готовилось выпрыгнуть из-за дальних барханов.

Стожалка. Они вообще баб не любят. Или любят слишком сильно, как посмотреть. Чтобы мужика укусила, наступить нужно. А женщину... Сами сбегаются, будто чем намазано. Говорили ей — отвернись, тут садись! Застеснялась, понесло ее за бугор! И он хорош. Нет бы прикрикнуть, остановить!

Юра была в обмороке. Сначала ноги. Так и есть, вот она! Зеленый плоский кругляш прилип сбоку, чуть ниже колена, и кожа вокруг начала краснеть. Свет ухватил стожалку и резко дернул. От боли Юра пришла в себя и застонала:

— Что?.. Ой!

— Подожди!

Ножки стожалки мерзко шевелились. Свет присмотрелся, и от сердца отлегло. В ране осталось только одно жало. Он откинул тварь подальше и достал острый нож.

— Кричи, только не дергайся, — сказал девчонке, навалился сверху и тут же сделал быстрый разрез. Юра охнула и обмякла. Жало не успело зарыться глубоко, Свет вытащил его и раздавил в пальцах. Крепко стиснул перекати-поле и промыл рану. Достал из котомки жгучего ежевичного порошка и присыпал разрез. Кровь остановилась и запеклась. Подождав, пока подсохнет бурая корочка, Свет замазал место укуса целебной смолой. Потом срезал с рубахи широкий лоскут и плотно завязал девушке ногу.

Успел!

Осталось день пережить, а там и до леса недалеко. Ветер уже пах близкой зеленью. В лесу они не пропадут, не зря Людмил учил его снадобьям. Первое — свежей смолы набрать, потом от жара. Но сначала — дойти.

Видимо, он не успел. Или что-то не так сделал. К тому времени, как Свет натаскал слоновьих листьев и наладил в удобной яме лежбище, Юре стало совсем нехорошо. Нога распухла, от любого касания девочка кусала губы, и Свету пришлось резать штанину, чтобы Юра не страдала напрасно. Ничего страшного еще не случилось, достаточно лишь раздобыть свежей смолы. Дело за малым — дойти до леса. Только куда Юре с такой ногой!

Потом ее стало знобить, и она скрючилась на дне ямы. Солнце жарило, воздух в яме стал горячим, а Юре было зябко. Свет укутал ее высохшим мхом, в изобилии оставленным ушедшим лесом, накрыл широкими листьями и даже навалил по бокам горячего песка. Не помогло. К полудню она впала в забытие...

Свет смотрел на девичье лицо, то бледное, то горячечно-пунцовое, и ему было страшно. Она не сможет встать к вечеру, понял парень. Она не сможет дойти до леса,

ей нужно время, несколько дней покоя. Нужно свежее лекарство, а для этого нужно идти. Им обязательно надо идти вперед, но это невозможно. А позади ждет поселок, ждет и надеется. А если они не дойдут...

В жаркой пыльной яме будто подуло полуночным ветром, но легче не стало. Мороз заполз внутрь и стал медленно глотать внутренности. Скоро в животе стало холодно и пусто. Сидеть и ждать нельзя, но и двигаться нельзя тоже. Надо решить, но что?

Замереть, смотреть и ничего не делать? Ждать, когда паника погубит тебя, Юру и всех остальных?.. Свет увидел поселок, безлюдный, заматаемый песком, представил пересохший общинный бассейн, в который он уже никогда не накачает воды, представил... и решил.

— Потерпи, маленькая! — сказал и стащил накрывавший девушку лист.

Нужно, чтобы Юра выдержала дорогу.

В первом перекати-поле осталось немного воды. Свет развел ею весь ежевичный порошок — взбодрить сердце. Добавил уксуса и остатки тех снадобий, что могли бы сбить лихорадку.

Потом он раздел девушку и всю натер получившейся мазью. У него выступили слезы, и это было хорошо. Чтобы не глазеть. Она не узнает, но не хотелось прятать взгляд, когда все кончится. Если будет удача.

Не смей сомневаться! — приказал себе Свет.

Сверху палило. Пыль скрипела на зубах и сушила горло.

Пыль, вестник близких самумов. Пройдет недели три, и солнце скроется в черной туче, ударят ветра и будут терзать поселок несколько дней. К этому сроку лиана, которую они приведут, должна укорениться.

Свет обмотал голову тряпкой, оставив только щели для глаз, и двинулся в сторону леса. Сыпучая труха хватала за ноги. Сзади, на волокуше из слоновьих листьев, в обнимку с холодным блином перекати-поля спала Юра.

Жара звенела и плыла. Солнце, когда он поднимал взгляд, рисовало в выцветшем небе круги и кольца, ослепительные до черноты. Песчаная взвесь осела на лице и руках серой колючей коркой. Очень хотелось пить. Свет знал: еще рано, он решил пить через каждые пять тысяч шагов, а миновали только три. Или уже больше? Может быть, замороженный пустыней, он сбился и зря мучает себя? Нет. Пустыня любит жестокие шутки, ей нельзя верить. И Свет выждал эти шаги, а потом позволил себе ровно три глотка и снова вложил перекати-поле в Юрины руки. Девушка, не просыпаясь, цепко схватила прохладную лепешку.

От воды стало чуть лучше, и Свет прожил следующие пять тысяч шагов почти хорошо. Он снова попил, напоил девушку и тронулся в путь. Скоро за дальними барханами появится кромка леса.

Похоже, он сбился... За дальними барханами он увидел новые барханы, без конца и края, одинаковые, желтые, знойные...

Однажды Свет оступился и съехал в глубокий ров. Волокуша с Юрой осталась наверху, и Свет долго шел, радуясь свободе и внезапной легкости. Потом из марева вышел Старый и встал поперек дороги. «Уйди прочь, — кричал Свет, — ты мешаешь!» — но Старый не двигался, хмурил брови и все время оказывался на несколько шагов впереди.

Свет заплакал, размазывая по щекам горячие слезы, развернулся и пошел назад, к Юре.

Общинный бассейн безмерно расширился, борта исчезли вдали, и Свет брел теперь по колено в воде. Он хотел напиться, но влага превращалась в тягучую слизь. Лианы вырастали то слева, то справа, но рассыпались тысячами стожалок, стоило Свету протянуть руку.

Стемнело, и вокруг зажглись костры. Поселковые жгли горючий волос, отгоняли шагающий лес; тот пернапролом, вдавливал кострища в песок, душил мокрыми мхами. Пахло зеленью. Впереди было пусто, только бескрайнее море бугров, рвов и ям, но что-то мешало идти, будто среди пустыни выросла невидимая стена. Свет заколотил в нее кулаками — и очнулся.

Ночь повисла над миром. Сзади стонала в забвении Юра, а под руками гнулся толстый лист дерева-ограды.

Он добрался. Дошел сам и дотащил манящую.

Свет подцепил край листа и потянул: открылся узкий проход. Шипя от боли в обожженных плечах, втащил внутрь волокушу с Юрой.

В лесу царила темнота. Воздух, напоенный резкими запахами и влагой, дразнил пересохшие ноздри. Свет успел напоить девушку и напиться сам, а потом упал лицом в мох и почти потерял сознание.

Он пришел в себя от тихого Юрино крика. Девушка, измученная за последние сутки, не то что кричала, а подвывала вполголоса.

— Там! — Круглыми от ужаса глазами она смотрела на больную ногу.

Фиолетовое мохнатое существо, примерно с кулак, сидело на ее колене и что-то быстро-быстро собирало с кожи суставчатыми передними ногами.

— Не кричи! — попросил Свет. — Это мохнач. Мусорщик. Больно?

— Голова гудит, — ответила Юра, — ногу дергает. Мы в лесу? Как мы сюда попали?

Осторожно, стараясь не спугнуть тварь, Свет размотал повязку. Края разреза опухли, из раны сочилась сукровица. Не очень страшно, он все-таки успел.

— Лежи тихо и ничего не бойся. — Свет подал девушке шкурку перекати-поля. — Допей, я схожу, свежей наберу. И не бойся, только не бойся! Лес живет сам по себе, мы ему не нужны. Мохнача не пугай, пусть ногу вычистит. Он не укусит, нечем.

Солнечный свет сочился через этажи и ярусы леса, поэтому внизу всегда был полумрак. «Смолу, сначала найти смолу», — твердил Свет, пробираясь среди толстых стволов, обходя заросли горючего волоса, перешагивая через дорожки мелких лесных жителей. Тонкая летучая пыль танцевала в солнечном луче, случайно нашедшем путь сверху. Дядька Людмил рассказывал: когда пыли станет много, бабье дерево откроет устья и напоят воздух терпкими запахами. Тогда волнение охватит окрестные лианы, и лес тронется с места...

Толстую лепешку бабьего дерева на его пути облепили сотни стожалок. Значит, лес пойдет совсем скоро, через десяток-другой часов. Или через сутки с небольшим. Надо спешить.

Сумрак сгустился. Свет поднял голову и потрясенно замер. Лиана!

Если положить две глиняные миски друг на друга, доньшками наружу, а сверху кинуть спутанный клубок оранжево-зеленых побегов с мелкими, прижатыми к стеблю листочками, то это и будет лиана.

ФАНТАСТИКА

Ну и огромна! — удивился Свет. Ободок дерева, повишего поселок, был ему по пояс. Две гигантские чаши здешней лианы сходились на высоте полтора или даже два человеческих роста. Такой ни одна личинка не страшна! Вот бы приманить!

Свет коснулся бугристой прохладной коры. Буро-зеленый ствол покрывали трещины и дупла. В одно из них Свет сунул руку, и она ушла в дерево по плечо. Там, в глубине, он нашел нежное шелковистое утолщение на деревянистой стенке, забрал в горсть и сжал.

Лиана задрожала, по огромному телу пробежала судорога, и из ближних трещин хлынули потоки прохладной воды. Под ногами захлюпало, и Свет бросил в лужу сморщенные шкурки перекати-поля. Сухие мешочки сразу начали круглеть, наливаться влагой. Пусть напьются, не жалко!

А вот и ажурные ярко-зеленые шары сосны, утонули во мху у подножия слон-дерева. Если отломить мягкие иглы у самого основания, там появится капля прозрачной смолы.

Когда Свет вернулся к волокуше, Юра опять спала. Мохнач поработал отменно, выел из раны всю грязь и остатки зелий. Свет приложил к ней пахучей живицы и заново перевязал. Остатками он натер себе плечи, подхватил девушку на руки и побрел к лиане. Манящая обняла его за шею, но не проснулась.

Возле дерева Свет выбрал сухое место, уложил Юру в мох близ гиганта и сел рядом. Лиана шевельнулась. Или ему показалось, но ведь не зря в поселке женщинам запрещено подходить к лиане ближе ста шагов?

«Я все правильно сделал, — лениво думал Свет, глядя на спящую девушку, — привел манящую к лиане. Дальше она сама. Как это будет?» Они собирались в спешке, и Людмил не успел или не захотел рассказывать. В дороге они сначала ссорились, а потом стало не до того. Так Свет и заснул, думая о секретном женском навыке.

Он качал воду. Зачерпывал ведром в лохани возле лианы и поднимал на акведук. Свет всегда работал с рассветных сумерек и до тех пор, пока дневной жар не загонял его домой. Обычный урок — наполнить общинный бассейн. Оттуда ее разберут женщины: для хозяйства, полить гем-опята в подпольях. Сегодня он совсем не устал, и полные ведра не отягивали рук. Потом рядом оказалась Юра.

— Зачем ты пришла? — удивился Свет. — Женщинам нельзя быть здесь!

Юра отмахнулась и принялась доить лиану. Дерево распустило побеги, вода побежала с них веселыми струями; девушка сразу вымокла насквозь и стала раздеваться. Вот она скинула куртку, волосы сразу рассыпались по груди, потом принялась за штаны. Они пристали к телу,

ФАНТАСТИКА

Юра схватила нож — его нож — и стала пилить ткань снизу вверх. Вместо ноги оказался черно-зеленый корнехвост; нож чиркнул по коре, и брызнула кровь. «Нога!» — вспомнил Свет и открыл глаза.

Наступил вечер, и лесной сумрак стал красно-фиолетовым от лучей заходящего солнца. Манящая, прихрамывающая, плавно вышагивала вокруг лианы; загорелые по плечи руки терялись в темноте; матово белели спина и ягодицы.

Свет затаил дыхание. Конечно, он видел, как купались девчонки в бассейне перед сном. Огородники вечерами набирали бассейн, для репы. Юра плескалась наравне со всеми. Он лечил девушку в пустыне, но это было совсем, совсем не то! Творилось тайное! Юра то прижималась к дереву всем телом, то отступала назад и будто приглашала его идти за собой. Лиана дрожала, шевелила побегими, по серединному ободу пробегала волна, но не больше. Раз за разом начинала манящая свой танец, потом упала в мох и заплакала.

— Он спит, не видит, не поможет мне!

Свет присел рядом и робко дотронулся до девичьего плеча. Щекотная волна пробежала от кончиков пальцев и закурила голову.

— Как помочь? Скажи?

— Мне одной не справиться!

Свет понял, и ему стало жарко. Как глаза открылись. Искатель и манящая всегда рядом. Как дядька Людмил и Сергея. Не зря его Юрка дураком называет! И сама

такая же...

— Тебе же Настасий нравится!

— Я тебя, дурака слепого, дразню! Ты меня не замечаешь! — заревела Юра.

— Как тебя не заметить, — прошептал Свет.

Лес зашумел. Бабье дерево выпустило множество гибких ножек и первое засеменяло на восток, прочь от грядущих горячих ветров. За ним на толстых тумбах-ногах топали слон-деревья, пузатые дубы, лианы, прочие и прочие. Мягкими покрывалами струились мхи, катились сосны и шары перекасти-поля.

Двое, что сплелись на остатках мохового ковра, не заметили исхода. Ни поселок, ни пустыня, ни лес не занимали их, но только звездный свет в глазах напротив, только трепет губ, только извечная дорога страсти, по которой ходят женщины и мужчины. Всегда вместе, никогда не порознь.

Лиана-исполин тоже собралась в путь. Выпростала из песка мощные лапы и приподнялась. Как ножка чудовищного гем-опенка, полез наружу бесконечный корнехвост. Кольцо за кольцом обвивал он тело лианы, пока не показался влажный зев, еще недавно пивший воду подземной реки. Лиана двинулась было в сторону ушедшего леса, но остановилась.

Что-то растворенное в воздухе звало ее за собой, но нечто подобное, сильнее, держало на месте. Пошевелив, словно в сомнении, ветвями, лиана стала покорно ждать, пока это нечто укажет новое направление.

По ночной пустыне, крепко обнявшись, шли двое. Сухой ветерок задувал в лицо, сзади медленно переваливалось огромное дерево-водочерпий.

— Ты не прогонишь меня к Настасию? — прильнув к Светиному плечу, лукаво спрашивала Юра.

— Нет, — отвечал парень, — и не надейся!

«Пусть только подойдет, — думал он, — руки оторву!»

